

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 187–191
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 187–191
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

Научная статья
УДК 323.269.6(438+470+571)|17/18|:930(47+57+438)

Память о польских восстаниях в контексте празднования 1000-летия Польши в Академии наук СССР (по материалам Архива РАН)

С. В. Панов

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

Панов Сергей Валерьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Института общественных наук, rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>, AuthorID: 1107976

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации истории польских восстаний конца XVIII–XIX вв. в рамках юбилейных торжеств в Академии наук СССР, посвященных Тысячелетию Польского государства в 1966 г. Проанализировав архивные документы о симпозиуме и научной сессии, прошедшей в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, автор приходит к выводу, что советская историография рассматривала польские восстания как проявления классовой борьбы, в то время как польские историки считали первичным их «национально-освободительные» мотивы.

Ключевые слова: польские восстания, историческая память, историография, Тысячелетие Польши, Академия наук СССР, Польская Академия наук

Для цитирования: Панов С. В. Память о польских восстаниях в контексте празднования 1000-летия Польши в Академии наук СССР (по материалам Архива РАН) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 187–191. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Memory of the Polish uprisings in the context of the celebration of the 1000th anniversary of Poland in the USSR Academy of Sciences (based on materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences)

S. V. Panov

Russian Academy of National Economy and Public Service, 82 Vernadsky prospect, Moscow 119571, Russia

Sergei V. Panov, rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>, AuthorID: 1107976

Abstract. The article examines the specifics of the representation of the history of the Polish uprisings of the late 18th – 19th centuries within the framework of the jubilee celebrations at the USSR Academy of Sciences dedicated to the Millennium of the Polish State in 1966. Having examined archival documents about the symposium and the scientific session held at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences, the author concludes that Soviet historiography viewed the Polish uprisings as manifestations of class struggle, while Polish historians considered their “national-liberation” motives to be primary.

Keywords: Polish uprisings, historical memory, historiography, Millennium of Poland, USSR Academy of Sciences, Polish Academy of Sciences

For citation: Panov S. V. Memory of the Polish uprisings in the context of the celebration of the 1000th anniversary of Poland in the USSR Academy of Sciences (based on materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 187–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-187-191>, EDN: IAAFDU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1966 г. стал для Польши временем двух больших юбилеев, соперничавших между собой по масштабности празднований. Первым из них был тысячетный юбилей Крещения Польши, произошедшего при князе Мешко I из династии Пястов в 966 г. В конце 1950-х гг. Католическая церковь в Польше, возглавляемая примасом кардиналом Стефаном Вышиньским,

начала подготовку к празднованию Тысячелетия Крещения.

В период социализма в этой стране Католическая церковь оставалась единственным крупным общественным институтом, неподконтрольным государственной власти, и скрыто, а зачастую и открыто нелояльной политической силой [1, с. 136–146]. Сам примас (предстоятель

Католической церкви в стране) С. Вышинский в 1953–56 гг. находился в заключении и был освобожден только после прихода к власти В. Гомулки и общей либерализации режима в 1956 г.

В силу высокой религиозности населения и популярности Церкви государственные и партийные власти ПНР не могли открыто запретить праздновать Тысячелетие Крещения Польши. Поэтому было решено организовать конкурирующее празднество, посвященное тысячелетию Польского государства – ведь историческое упоминание о крещении Польши было одновременно и первым упоминанием о Польше как государстве. Строились памятники Тысячелетию, юбилею посвящались вновь создаваемые архитектурные сооружения, в частности реализовывалась программа по постройке тысячи школ к тысячелетию государства. Апофеозом празднования стал проведённый 22 июля 1966 г. масштабный парад, представивший польских воинов из всех исторических эпох с X по XX в. и десятки единиц военной техники. Праздновали Тысячелетие и академические учреждения Польши.

Разумеется, Академия наук Советского Союза также присоединилась к празднованию юбилея государственности дружественной социалистической страны.

Основной исторической темой, призванной сплотить народы Советского Союза и Польской Народной Республики, была избрана проблематика связей польских и российских революционеров в XIX в. и начале XX в.

Разумеется, тема польских восстаний – близкая к теме связей между польскими и российскими революционерами, но в то же время – противоречивая и сложная с политической точки зрения – не могла быть обойдена вниманием исследователей. За период разделов Польши с 1772 по 1918 г. поляки трижды восставали против российской власти. Первым восстанием ещё в независимой Речи Посполитой было восстание Т. Костюшко против второго раздела Польши в 1794 г. [2, с. 289–293], затем, уже после Наполеоновских войн, случилось Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., охватившее все Царство Польское, Литву, Вольнь и Белоруссию [3] и, наконец, в 1863–1864 гг. Царство Польское, Литву и Белоруссию потрясло так называемое Январское восстание [2, с. 321–351].

Тема репрезентации восстаний в историографии и исторической памяти к настоящему времени уже неоднократно освещалась разными исследователями. Тем не менее, говоря о восстании 1794 г. и предшествовавшем ему второму разделу Польши, польский историк Л. Кондзеля в 1999 г. отметил, что тематика второго раздела в целом остаётся недоисследованной и слабо раскрытой в современной историографии [4].

Исследователи А. А. Крих и С. А. Мулина в статье «“Польша держится беспорядком”:

образ Речи Посполитой эпохи разделов в отечественных учебниках истории XX–XXI вв.» [5] осветили тему репрезентации в том числе и восстания Т. Костюшко в советских учебниках истории.

Историография и историческая память о восстании 1830–1831 гг. в советский период пользовалась меньшим вниманием исследователей. В качестве примера одной из немногочисленных работ на данную тему можно назвать статью И. П. Юшкова «Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии» [6].

Современные исследователи сделали больший акцент на изучении политики исторической памяти в отношении данного события. Так, в частности, в сборнике «Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши», вышедшем в 2014 г., было опубликовано сразу несколько работ. Среди них – статья О. С. Каштановой «Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике» [7], в которой автор рассматривает ключевые исследования по данной тематике, написанные в дореволюционное и советское время. Л. Е. Горизонтов в работе «Январское восстание в нарративах истории России» [8] представил общий обзор взглядов на Январское восстание, бытовавших в российской общественной мысли последней трети XIX в., и их отражение в более поздней историографии и публицистике. Польский историк М. Кулик в статье «Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии» [9] предоставил обзор историографии военных аспектов истории событий 1863 г. Л. С. Лыкошина в статье «150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши» [10] рассмотрела политику памяти современной, постсоциалистической Польши в отношении восстания 1863–1864 гг.

В данной работе, опираясь на неопубликованные архивные материалы, мы рассмотрим особенности празднования Тысячелетия польского государства в Академии наук СССР. Как отмечает немецкий теоретик исследований исторической памяти А. Ассман, подобные празднования, наряду с текстами, картинами, скульптурами и памятниками являются одними из носителей культурной памяти, т. е. долговременной социальной памяти, укорененной в культуре общества и предназначенной для передачи памяти из поколения в поколение [11, с. 231].

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 4 по 8 октября 1966 г. был проведён научный симпозиум «Революционные связи народов СССР и Польши в XIX – начале XX века» [12]. Затем была проведена научная сессия, посвященная юбилею Польского государства [13].

На симпозиуме первым выступил с общим обзором проблем истории русско-польских революционных связей главный советский специалист по данной теме И. С. Миллер [12, л. 2], затем историографический обзор представил специалист по польским восстаниям В. А. Дьяков [14]. Далее на симпозиуме с тематическими докладами выступили такие известные историки, как специалист по истории польского рабочего движения А. Я. Манусевич, исследователи польской истории XIX–XX вв. П. Н. Ольшанский и Н. П. Митина, советские полонисты, среди которых были как ученые Инслава, так и представители других организаций, например научный сотрудник Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма Р. А. Ермолаева [12, л. 2]. Выступали ученые и из других городов Советского Союза, в том числе из Белорусской, Литовской и Украинской ССР, чья региональная история имела прямое отношение к обсуждаемым вопросам, а также польские историки [12, л. 68].

И. С. Миллер отметил, что польско-русские революционные связи не имеют аналогов в истории подобных связей народов России по глубине и продолжительности, а польское и русское революционное движение были взаимозависимыми и фактически едиными. С его точки зрения польское освободительное движение имело гигантское значение для русской революционной демократии, и симпозиум помог ярче осветить это [12, л. 69].

Польский историк С. Кеневич, специалист по истории Польши XIX в., начинавший свою карьеру ещё в межвоенной Польше, занимавшийся польским национальным движением в Галиции [15] и спустя несколько лет выпустивший книги об истории Польши эпохи разделов [16] и восстании 1863–1864 гг. [17], занял более скептическую позицию.

Он подверг несколько идеализированное представление о сотрудничестве русских и польских революционеров мягкой критике. Он отметил, что всё-таки невозможно отрицать очевидные трудности, имевшиеся на пути объединения общероссийского и польского революционного движений. Прежде всего это несовпадение этапов их наибольшей активности, кроме того, как подчеркнул С. Кеневич, значительную роль сыграло и то, что польское движение настаивало на возрождении Речи Посполитой в границах 1772 г. (т. е. с Белоруссией, Литвой и большей частью Правобережной Украины) [12, л. 76].

Доцент Кировского пединститута В. И. Фоменкова и сотрудник Института славяноведения и балканистики П. Н. Ольшанский отметили, что в современной им советской историографии доминирует идея о русско-польском революционном союзе, заключенном в 1820-е гг., признавая, что остаются и критические мнения о том,

существовал ли он вообще [12, л. 78]. Ленинградский ученый С. С. Ланда, развивая данную тему, рассказал о необходимости дальнейшего исследования дворянской революционности, в том числе роли социальных и национальных мотивов дворян-революционеров [12, л. 79].

Сотрудник Инслава, видный советский полонист И. М. Белявская [18], выступила с критикой традиционного советского представления о восстании 1863–1864 гг. в Литве и Белоруссии как о крестьянском. Она настаивала, что это было «восстание против национального угнетения», т. е. прежде всего – преследующее национальные цели движение, а роль крестьянского элемента в восстании была незначительной. С ней полемизировала З. Я. Тальвирская, ссылавшаяся на пропагандистскую работу в крестьянской среде революционной интеллигенции Литвы и Белоруссии [12, л. 80–81].

Исследователи В. Е. Фильгус и О. П. Морозова выступали с докладами о тесном сотрудничестве русских и польских революционеров в ссылке [12, л. 82]. О. П. Морозова в качестве примера сотрудничества польских и русских революционеров рассказала о польском повстанце Б. Шварце, который выступал за сотрудничество русского и польского революционных движений.

Затем участники симпозиума В. Б. Рожновский и Т. Г. Снытко перешли к дискуссии о роли старого революционно-демократического польского движения в формировании польского социализма последней трети XIX в. В. Б. Рожновский настаивал на прямом преемстве, в то время как Т. Г. Снытко предлагал более сложную схему, в которой влияние старых польских революционеров на новый польский социализм было лишь частичным. Тезисы Т. Г. Снытко были поддержаны польскими историками Л. Базилевичем и Я. Канцевичем [12, л. 82–83].

Я. Канцевич, в отличие от многих коллег, не был ученым, получившим образование в старой Польше. Он, как сын активистки Коминтерна, жил с 1930 г. в СССР, окончил истфак МГУ, отсидел 5 лет в сталинских лагерях и только в 1945 г. вернулся в Польшу. Его темой была история польского рабочего движения [19].

В своём докладе он подчеркнул, что в социалистическом революционном движении участвовали не только представители Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, но и представители левой фракции Польской Социалистической партии (ППС) [12, л. 87].

На симпозиуме были представлены доклады по частным аспектам сотрудничества польских революционеров с белорусскими [12, л. 86] и украинскими [12, л. 89] движениями и отмечено, что данная тема в целом остаётся недоисследованной [12, л. 79]. Недостаточно изученной оказалась и позиция ППС в отношении связей с русскими революционерами [12, л. 90].

Участники симпозиума признали его успешным, по итогам научной встречи было решено издать сборник, было также внесено предложение издать собрание документов по теме русско-польских революционных связей [12, л. 91].

Через две недели после открытия симпозиума, 18 октября 1966 г., в Отделении истории АН СССР началась научная сессия, посвященная Тысячелетию Польши. Участие в ней приняли Президент АН СССР академик М. В. Келдыш, Маршал Советского Союза И. С. Конев, директор Института марксизма-ленинизма академик П. Н. Поспелов и министр высшего образования ПНР академик Генрик Яблоньский [13, л. 1]. Выступили в ней и ведущие ученые Института Славяноведения и Балканистики, такие как И. С. Миллер и А. Я. Манусевич.

Открывавший сессию академик М. В. Келдыш [13, л. 1] в своем вступительном слове упомянул в позитивном ключе польских революционеров – участника восстания 1863–1864 гг. и Парижской Коммуны Я. Домбровского и видного деятеля марксистской Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, основателя ВЧК Ф. Дзержинского – как символов дружества польских и российских революционеров [13, л. 3]. Также он подчеркнул, что в истории освободительного движения двух народов русско-польские революционные связи занимают особое место: «Первые русские революционеры-декабристы провозгласили в качестве одного из своих основных требований независимость Польши. Это требование, вошедшее в проект конституции, разработанный Южным обществом, в пестелевскую “Русскую правду”, явилось прочной основой для совместной борьбы русских и польских революционеров за свободу и независимость, против общего врага – царизма» [13, л. 4].

Выступавший далее историк культуры И. Ф. Бэлза заявил, что даже восстание 1830–1831 гг. не прервало дружбы между поляками и русскими и «передовая польская общественность всегда различала Россию Николая I и Россию Пушкина» [13, л. 92].

Делая выводы об итогах мероприятий и особенностях репрезентации истории польских восстаний в юбилейных научных мероприятиях, стоит отметить, что советские историки в большей степени были склонны преуменьшать значение национального фактора в польских восстаниях, делая упор прежде всего на тот факт, что восстания имели классовую природу. Выдвигалась теория о русско-польском революционном союзе между декабристами и польскими революционерами, а также и о прямой преемственности между польской социал-демократией конца XIX в. и польскими повстанцами середины века. Польские историки, такие как С. Кеневич, напротив, более стремились рассматривать восстания именно как этнополитический конфликт. Во многом

это можно было бы связать с тем, что они начинали свою карьеру во Второй Речи Посполитой, и, следовательно, сформировавшись как исследователи ещё в те времена, были менее подвержены влиянию советской государственной идеологии. Однако даже выпускник первого набора истфака МГУ, ставший историком в СССР и уже социалистической Польше, Я. Канцевич был более склонен к этой концепции и поддерживал доминирующие в польской науке представления. В то же время лишь меньшинство их советских коллег (таких как И. М. Белявская) поддерживали эту доминирующую в польской науке концепцию.

Можно сделать вывод о том, что для советской стороны в целом было важно выстроить непротиворечивый нарратив, в котором польские и российские революционеры были частью единого революционного движения, нацеленного, прежде всего, на реализацию классовых задач, на борьбу за права трудящихся. Факты, свидетельствовавшие об обратном, о том, что польское революционное движение стремилось прежде всего к достижению собственных целей в виде воссоздания польского государства, а также факты о том, что повстанцы были всё-таки националистами, не были приоритетны для официального нарратива. В куда большей степени говорилось об общих чертах у польского и российского движений, а не о различиях между ними.

Доминировавшая среди советских историков на юбилейных научных мероприятиях точка зрения была очередным примером того, как в советской историографии международных и межэтнических отношений традиционно игнорировался вопрос о национальных интересах России, в отличие от национальных интересов других стран, особенно ситуативно дружественных.

Следствием классового подхода, а также желания представить в более выгодном свете историю дружественных государств и народов было то, что польское национальное движение интерпретировалось как безусловно прогрессивное и имеющее в первую очередь классовую природу, в то время как действия русского правительства и русской армии критиковались, описываясь исключительно как реакционная политика национального и классового угнетения.

Вместе с тем нельзя утверждать, что не говорилось о националистическом акценте во взглядах и деятельности польских революционеров – это отмечали такие исследователи, как И. М. Белявская. О том, что в советской историографии остаются критики теории русско-польского революционного союза, говорили В. И. Фоменкова и П. Н. Ольшанский.

Более критический взгляд на историю польских восстаний, по нашему мнению, до сих пор недостаточно представлен в отечественной

историографии, и данное упущение требует корректировки в работах современных российских историков.

Список литературы

1. Смирнов А. И. Взаимоотношения власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг. // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 136–146.
2. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / пер. с польск. М. : Весь Мир, 2004. 544 с.
3. Кунц Г. Русско-польская война 1831 года / пер. с нем. СПб. : Евразия, 2023. 320 с.
4. Кондзеля Л. Польша и Европа в XVIII веке. Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / под ред. Б. В. Носова. М. : Институт славяноведения РАН, 1999. С. 159–168.
5. Крих А. А., Мулина С. А. «Польша держится беспорядком»: образ Речи Посполитой эпохи разделов в отечественных учебниках истории XX–XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 161–169. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.161-169>
6. Юшков И. П., Хорева Н. В. Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии // Пироговские чтения : материалы XXIV научной конференции студентов и молодых исследователей (Нижний Новгород, 26 ноября 2018 г.). Нижний Новгород : Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2018. С. 182–185.
7. Каштанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 51–80.
8. Горизонтов Л. Е. Январское восстание в нарративах истории России // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 96–104.
9. Кулик М. Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 228–238.
10. Лыкошина Л. С. 150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / под ред. Н. А. Макарова. М. : Индрик, 2014. С. 382–392.
11. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
12. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1965 (Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук). Оп. 1. Д. 362.
13. РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 361.
14. Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) / отв. ред. М. А. Робинсон. М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 94 с.
15. Kieniewicz S. Ruch chłopski w Galicji w 1846. Wrocław : Ossolineum, 1951. 369 s.
16. Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1968. 616 s.
17. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1972. 804 s.
18. Рацеева М. Н. Белявская Ирина Михайловна // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М. : Изд-во Моск. ун-та ; РОССПЭН, 2004. С. 46–47.
19. Kancewicz J. Rozłam w polskim ruchu robotniczym na początku lat dziewięćdziesiątych XIX w. Warszawa : Książka i Wiedza, 1961. 62 s.

Поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026